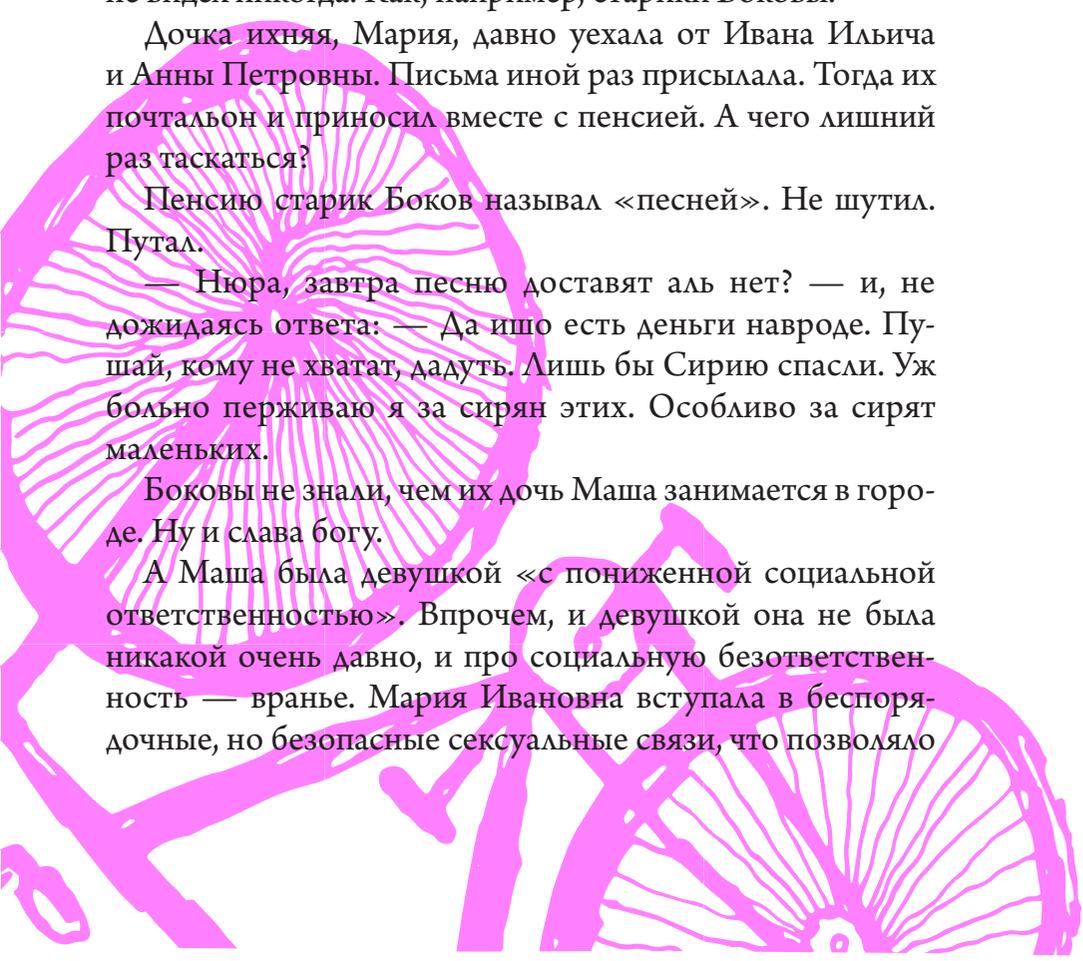

Коча Бокон думает о будущем

Пр● Колю и его хорошие поступки

или Иван Ильич и Анна Петровна Боковы в деревне. Они да еще три дома пускали дым из труб. До города было километров триста. А может, и четырехста. Боковы километров этих не считали.

Да и город-то этот «городом» назвал тот, кто городов не видел никогда. Как, например, старики Боковы.

Дочка ихняя, Мария, давно уехала от Ивана Ильича и Анны Петровны. Письма иной раз присылала. Тогда их почтальон и приносил вместе с пенсией. А чего лишний раз таскаться?

Пенсию старик Боков называл «песней». Не шутил. Путал.

— Нюра, завтра песню доставят аль нет? — и, не дожидаясь ответа: — Да ишо есть деньги навроде. Пушай, кому не хватат, дадутъ. Лишь бы Сирию спасли. Уж больно перживаю я за сирян этих. Особенно за сирят маленьких.

Боковы не знали, чем их дочь Маша занимается в городе. Ну и слава богу.

А Маша была девушкой «с пониженной социальной ответственностью». Впрочем, и девушкой она не была никакой очень давно, и про социальную безответственность — вранье. Мария Ивановна вступала в беспорядочные, но безопасные сексуальные связи, что позволяло

ей как раз и отправлять деньги старикам. Это была как бы добавка к государственной нанопенсии. Получалось — плюс две «нано».

И хоть в течение 28 лет Маша соблюдала строго технику безопасности, в 40 лет какой-то изворотливый, бесшабашный, безбашенный, презирующий все нормы поведения и сметающий на своем пути все преграды, критически настроенный и смелый сперматозоид достиг своей цели.

Родила позднородящая 41-летняя Мария Ивановна Бокова мальчика. И когда исполнился ему один год, привезла его в деревню и оставила старикам. А куда, действительно, ей с ним? Она ж работает с утра до вечера и без выходных.

Да и сколько ей осталось работать? Вон солисты балета в этом возрасте давно на пенсию уходят.

И стал жить и поживать Коля Боков с бабушкой и дедом.

В школу ходил он в соседнюю деревню три километра, где с ним были еще 12 учеников.

Под Новый год все ученики писали письма Деду Морозу с просьбами. Коля Боков просил компьютер и телевизор для деда с бабушкой, и еще чтоб уборная была дома, да чтоб пенсию увеличили старикам, а то стала она совсем маленькой.

А маленькой она стала потому, что Маша ушла со своей творческой работы сама на пенсию.

Иногда она продавала презервативы из-под полы. Из-под полы потому, что уж два года, как губернатор Зайцев запретил их продажу, пытаясь повисить рождаемость в области.

Ну хватит. Это все ненужные подробности. Переходим к сути сказки.

И вот однажды сидел-сидел Коля Боков и глядел в окно.

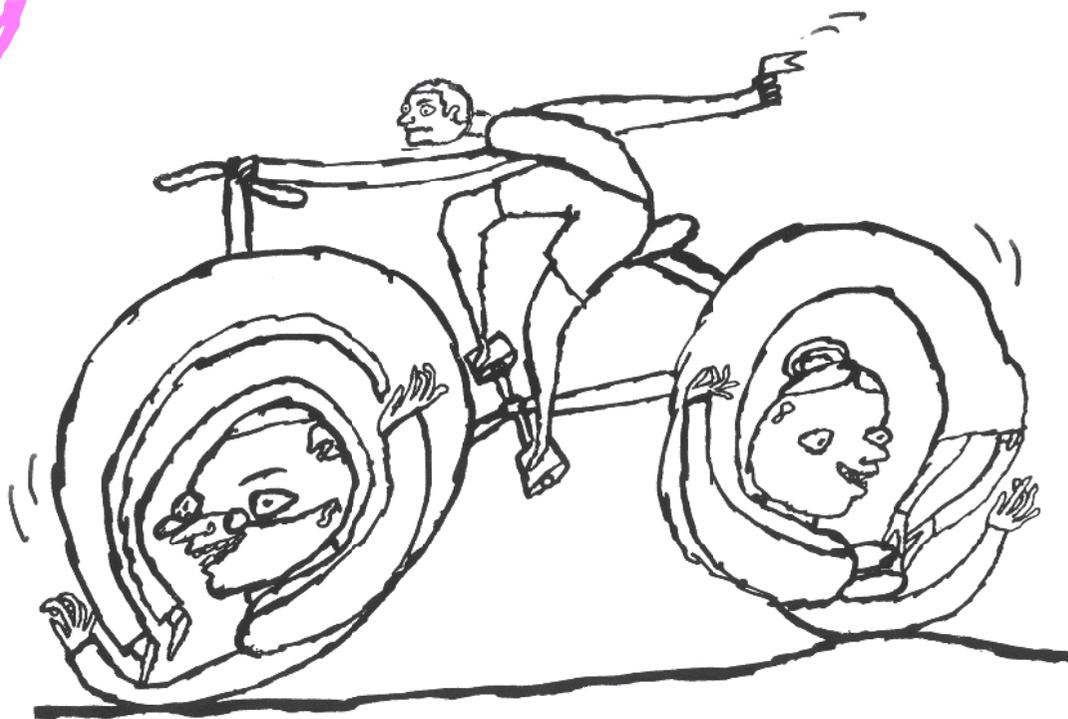
И надоела Коле Бокову жизнь такая. И сел он на старый велик и покатился.

И прикатился Коля Боков к Зайцеву. Закатывается к нему в кабинет — Коля ж изворотливый, бесшабашный, безбашенный, презирающий все нормы поведения и сметающий на своем пути все преграды, критически настроенный и смелый. А Зайцев за столом сидит косою. А за его спиной висит шкура белого медведя.

— Коля Боков, я тебя, — говорит Зайцев, — в детский дом имени Сталина отправлю сейчас.

— Не отправишь, Косой, а лучше послушай, какую я тебе песенку спую!

Зайцев постарался развести глаза, но они стремились к переносице. Тогда Зайцев насупил брови.

*Коля Боков хочет
помочь старикам*

*Я — Коля Боков, я — Коля Боков,
В школе учен,
Хоть учебников лишен,
Потому что смышлен,
А ты, Зайцев, смешон.
Я от дедушки пришел,
Я от бабушки пришел,
Чтобы тебя, Зайцев, напугать
И денег у тебя немного взять.*

Тут Зайцев протрезвел сразу, когда про деньги услышал. Да как закричит:

— Катись колбаской, Коля Боков, по Малой Спасской, катись к Волкову, он тебя ждет!

И покатился Коля Боков дальше, к Волкову. Катился-катился и вкатился прямо в его кабинет.

Сидит за столом Волков в сером костюме. Лоб маленький, глаза маленькие и пустые, зубы большие, золотые. Серый-серый. А за спиной его чучело белого медведя.

— Я тебя, — говорит Волков, — сейчас отправлю в детскую больницу имени Иоанна Грозного, и там тебя разберут на органы.

— Не отправишь, Серый, а лучше послушай, какую я тебе песенку спою.

Волков попытался напрячь серое вещество своего мозга, но у него ничего не получалось, потому что серого вещества как раз у Волкова и не было.

*Я — Коля Боков, я — Коля Боков,
В школе учен.
Хоть учебников лишен.
А ты, Волков, смешон,
Я для дедушки пришел,
Я для бабушки пришел,
Чтобы тебя, Волков, напугать
И денег у тебя немного взять.*

Тут Волков вскочил и заорал:

— Катись ты, Коля Боков, на все четыре стороны к Медведеву!

И вот вкатился Коля Боков в кабинет к Медведеву. Сидит за столом Медведев и спит. А за спиной его в клетке живой белый медведь и тоже спит.

Коля Боков сразу запел:

*Я — Коля Боков, я — Коля Боков,
В школе учен.
Хоть учебников лишен.
А ты, Медведев, смешон,
Я для дедушки пришел,
Я для бабушки пришел,
Чтобы тебя, Медведев, напугать
И денег у тебя немного взять.*

Медведев проснулся и говорит:

— Коля Боков, не могу я тебе денег дать. Ты же знаешь, что «Денег нет, но вы держитесь!» А дам я тебе лучше одну волшебную вещь.

И достает он из ящика коробку и протягивает ее Коле Бокову. Коля берет коробку, а она тяжелая, и на ней написано золотыми буквами: «КАЙФОНЧИК им. Калашникова».

Открывает Коля коробочку, а там в промасленной бумаге металлический прибор с маленьким экраном и двумя кнопками. На первой кнопке написано: «Калаш», а на второй — «Кайф».

— Сам разберешься, ты же смышлен, в школе учен, — сказал, улыбаясь, Медведев и заснул.

Покатился Коля Боков обратно в деревню. Катится-катится, а кайфончик у сердца лежит.

Вдруг видит Коля Боков посреди дороги стоит рыжая баба, а сзади ее целая банда рыжих теток, и у каждой во круг шеи горжетка лисья рыжая.

НАДО ПОПРОСИТЬ МЕДВЕДЕВА,
ЧТОБЫ ПОДАРИЛ ВАМ
АЙФОНЧИКИ!

— Ну что, Коля Боков, — говорит главная рыжая тет-ка, — попался? Давай нам кайфончик, а то мы тебя в зоо-парк отдадим в качестве корма.

И тут Коля Боков достает кайфончик и протягивает его рыжей, а сам нажимает кнопку «калаш», и из кайфончика бьет ярко-зеленый луч, и все рыжие моментально валятся с ног и засыпают. А Коля Боков катится себе дальше.

Долго ли, коротко ли, а прикатился он к бабке и деду Боковым.

Все рады встрече. Сели чай пить с сухарями. И тут Коля Боков достает кайфончик и нажимает кнопку «кайф», и на экране появляется надпись: «Меню», а под ней дру-гая надпись: «Что изволите?» и список:

1. Чай Марьи да Хуана.
2. Русский снежок Каина и Компании.
3. Молочный кисель Геры да Инны.

И зажили дед с бабкой Боковы и Коля Боков и дерев-ни близлежащие с остатками их обитателей. Недолго, но счастливо.

Стали жить не тужить!

Стали жить-поживать и о пенсии не думать.

И я там был, чай Марьи да Хуана курил и кайф ловил.

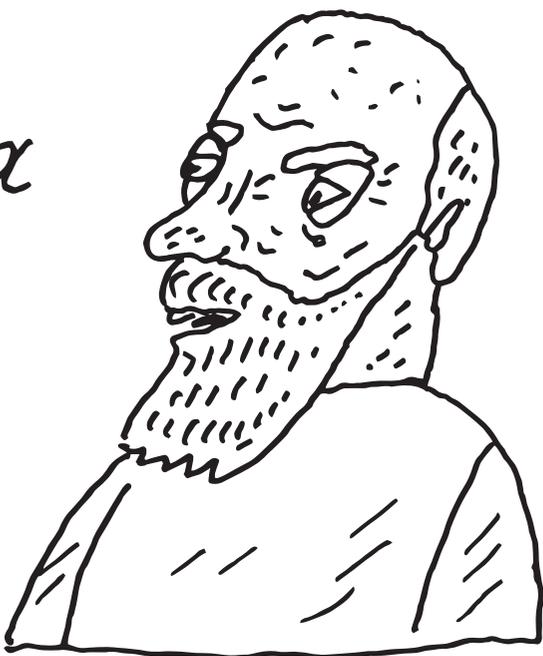
Русский снежок Каина и Ко нюхал — зимушкой пахнет.

Молочный кисель Геры да Инны пил, по усам текло, да и в рот попало.

Мария
Петровна

Петр Иванович

Пр● Надежду Петра Ивановича и Марии Петровны

или-были Петр Иванович и Марья Петровна.

И была у них курочка Наденька. Пенсия была у Петра Ивановича и Марьи Петровны маленькая. А Наденька несла яйца — и несла много яиц. И все яйца были у Наденьки крупными.

Петр Иванович и Марья Петровна яйцами и питались.

То омлет сделают.

То глазунью приготовят.

То просто яйца отварят.

То в мешочек.

То сделают яйца пашот.

То яйцами лапшу яичную зальют и запеканку сделают.

Петр Иванович и Марья Петровна питались разнообразно. А про холестерин они ничего и не знали. Кто такой этот холестерин и с чем его едят, не ведали.

Ну и бог с ним.

И вот однажды берет Петр Иванович яйцо, чтоб глазунью сделать, и ножом по нему ударяет, а оно, это яйцо, не бьется. Скорлупа только треснула. Петр Иванович еще раз по нему ножом, еще раз, и еще раз, и еще раз... Ничего с яйцом не происходит. Тогда он скорлупу немного сколупнул, а оттуда свет слепящий забил. Что за чудо?

— Маша, Маша, — кричит, — иди сюда!

Прибегает Марья Петровна, руками разводит! Скорлупу очистили, а яйцо оказалось золотым. Вот тебе раз! А курочка Надежда рядом квохчет. Радуетса Наденька.

— Ну, — говорит Марья Петровна, — наконец-то мы себе зубы сделаем!

Доктор Рябинович

И пошли они к зубному доктору.

Доктор Моисей Соломонович Рябинович долго крутил в руках золотое яйцо. Думал. Ну и говорит потом:

— Вы яйцо-то золотое оставляйте, я из него вам зубы сделаю и, когда будет все готово, вам сообщу.

На том и порешили.

Ждут-пождут Петр Иванович и Марья Петровна, и вот, наконец, стучат в дверь. Они открывают ее — а там полиция.

— Ваши документы. Откуда у вас золото? Рябинович арестован. Он вас сдал.

Оказывается, за Моисеем Соломоновичем давно следили. Ничего не поделаешь. Совпало. Нашли у него три килограмма золота, ну и яйцо золотое. На допросе он все следователю и рассказал.

Ну, Петра Ивановича и Марью Петровну стали про курочку Надю спрашивать, а полицейные только хочут:

— Слыхали мы про курочку Рябу, а про курочку Надю первый раз слышим. Вы совсем, дед да баба, из ума выжили. У вас, наверное, этот, как его, склеразм от большого количества съеденных яиц.

В общем, арестовали Марью Петровну и Петра Ивановича, но, учитывая возраст и то, что на руках у них Наденька, которую не с кем оставить, приговорили к домашнему аресту. И обязали выплатить штраф яйцами.

Вот теперь судья каждый день к Петру Ивановичу и Марье Петровне за яйцами стал ходить. Там же у них, гад, их стал бить, надеясь золотое найти. Ну а Марье Петровне и Петру Ивановичу по барабану, они же яичницу делают. Все равно яйца надо бить.

Однажды вечером Надежда клюнула в нос Петра Ивановича, когда он шнурки завязывал, и говорит:

— Да не расстраивайтесь вы, Петр Иванович и Марья Петровна, снесу я вам еще много золотых яиц. Только я вас очень прошу, когда закончится через месяц ваш домашний арест, возьмите два билета в Израиль и меня захватите. Я же знаю, что вы, Петр Иванович, по матери Розенцвейг, а вы, Марья Петровна, по отцу Голденберг. А доктор Рябинович Моисей Соломонович уже там. Он судьбе взятку дал в виде моего золотого яйца. Тот его и от-